

УДК 821.111.1.09(Рэнд Э.)

ББК Ш5(7)-4

ГСНТИ 16.21.33; 17.82.31

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Н. Г. Юзевович
Хабаровск, Россия

“COLLECTIVISM IDEOLOGY”
SUBSTRATE IN AYN RAND’S VIEW

СУБСТРАТ
«ИДЕОЛОГИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЙН РЭНД

Аннотация. Представлена философская концепция Эйн Рэнд, формировавшаяся на ее личном восприятии советской идеологии, точнее, субстрата «идеология колlettivизма», синонимично го, по мнению писательницы, диктатуре и препятствующей развитию личности. В романах Эйн Рэнд утверждается значимость индивидуальности, права выбора и самореализации, а тем самым и самоуважения, — всего того, что не может раскрыться в обществе с идеологией колlettivизма.

Abstract. The paper is focused on the philosophical fiction of a Russian immigrant writer Ayn Rand, a creator of one of the most influential philosophical concepts of our time in the USA. She is for the development of individual rights for the sake of a human being not for the sake of the state. Substrate “collectivism ideology” is the embodiment of the state, dictatorship and is against a human being as it deprives a personality of the right to choose. Unknown to the readers in her mother country for so many years she is now one of the most controversial writers in Russia. Both the younger generation, who do not know much about Soviet ideals, and business people, entrepreneurs share her view on the relation of a human being and the state while others are convinced that she just hates communism. I argue that her books are not about hatred but about love of individual rights, self-respect and freedom to choose.

Key words: substrate; ideology; individualism; a human being; the right to choose.

Ключевые слова: (лингвокультурный) субстрат; индивидуальность; личность; право выбора; идеология.

Сведения об авторе: Юзевович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Межкультурный политический диалог в глобальном мире актуализируется не только в официальном политическом дискурсе, но и в беллетристике, публицистике и т. п., где особое внимание уделено сохранению лингвокультурного субстрата средствами иного (относительно субстрата) языка общения. Произведения такого типа исследователи русскоязычной национальной литературы называют субстратной: они актуализируют традиции «национальной литературы на заимствованном литературном языке, при которой национальное не только помещено, но и растворено в литературном тексте» [Хугаев 2010: 173].

В зарубежной лингвистике говорят о «литературных гибридах», «лингвистических мигрантах» или «трансплингвальных писателях». Все эти термины во многом совпадают семантически, выделяя той или иной аспект произведений, написанных билингвами на языке, который не является для них родным. Писатели бывших колоний, а также мигран-

ты испытывают потребность описать свои чувства в новой среде и осмысливать родную лингвокульттуру через призму другой, осознать новую ментальность. Англоязычные произведения сингапурских, индийских и других авторов (постколониальная литература), писателей китайского, японского, русского, иного происхождения становятся всё более популярными.

Средством инолингвокультурной этнической идентификации, ее «голосом» может быть любой язык. Современный межкультурный политический диалог представлен не только англоязычной (О. Grushin, Е. Litman, G. Shteygart), но и немецкоязычной (W. Kammerer), франкоязычной (A. Makine) литературой авторов русского происхождения, национальной русскоязычной литературой (Ч. Айтматов, О. Вициетис, С. Капутиян, Г. Бельгер) и др.

В контексте межкультурного политического диалога интерес представляют такие произведения писателей-билингвов, в которых основное внимание уделено идентифи-

кации родной культуры средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат может быть актуализирован как номинациями культурно специфических предметов, так и стилевыми особенностями; идеологические воззрения способствуют созданию так называемой атмосферы эмоционального содержания. Субстрат может включать эмоциональный компонент, характеризующийся динамичностью, изменчивостью, зависящей «от созданной контекстом фиксированной установки» [Джваршайшвили 1984: 61].

В этом смысле особый интерес представляют произведения Ayn Rand (настоящее имя — Алиса Розенбаум), эмигрировавшей из советской России в Америку в 1926 г. и ставшей для многих американцев идеологом, провозглашающим право личности на реализацию своих возможностей, и «самым влиятельным иммигрантом из России» [Somin 2009]. Радио «Голос Америки» подчеркивает: «Рэнд оказала огромное влияние на общество и капитализм и, возможно, сделала больше для разрушения Берлинской стены, чем все политики и бюрократы мира вместе взятые» [Дубинская 2012].

The Ayn Rand Institute (Институт Э. Рэнд) в Нью-Йорке проводит лекции и семинары, посвященные анализу ее работ, выпускает периодические издания, книги, документальные фильмы и записи ее лекций и интервью. Э. Рэнд обращается к интеллектуалам и миру бизнеса, предпринимателям. Именно последние составляют основной контингент ее читателей в России. Характерно, что в нашей стране писательница известна благодаря Ассоциации бизнесменов Санкт-Петербурга, которая с 2003 г. издает ее книги на русском языке; опубликованы следующие произведения: *Мы — живые* (*We the Living*, 1936), *Гимн* (*Anthem*, 1937), *Атлант расправил плечи* (*Atlas Shrugged*, 1957), *Лексикон Эйн Рэнд. Объективизм от A до Z* (*The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*, 1986) и др.

Биографы точно не знают, почему сочинительница выбрала псевдоним Rand, но он точно не связан, вопреки утверждениям на многих сайтах, с названием компании Remington-Rand, выпускающей пишущие машинки. Слияние компаний Remington и Rand произошло в 1927 г., а фамилией Rand подписывались письма родным уже в 1925 г. [The Ayn Rand Institute 2012].

Философская концепция писательницы сформулирована в произведениях *Capitalism: The Unknown Ideal* (1966), *Philosophy: Who Needs It* (1982) и других, в мини-энциклопедии основных терминов объективизма, созданной по предложению редакторов и опубликованной после ее смерти под

названием *The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*. [Binswanger 1986]. Однако основы ее концепции фактически актуализируются уже в первых художественных произведениях, отражающих личное восприятие жизни в советской России, идеологии колlettivizma, которую она не смогла принять. Э. Рэнд показывает лицемерие общества, его давление и губительное воздействие на человека, отсутствие свободы выбора, которое ломает судьбы и жизни, и то, что экономический государственный тоталитаризм разрушает экономику.

Одна из проблем, которую пытаются разрешить писатели-билингвы — интерференция менталитета, идеологии, языковой картины мира родной культуры при попытке описать ее средствами другого языка; как правило, доминирующее воздействие оказывает именно родная лингвокультура. Однако Э. Рэнд, в отличие от многих билингвальных писателей, писала на языке близкой ей по духу лингвокультуры, которую она безоговорочно приняла: *I am an American by choice and conviction / Я стала американкой добровольно и по убеждениям*. В текстовом мире своих художественных произведений она создает когнитивное пространство, актуализирующее лингвокультурный субстрат родной по рождению, но чуждой по духу культуры — субстрат «идеологии колlettivizma», который противопоставлен родному по духу субстрату «идеологии объективизма».

В отличие от традиционных в транслингвальной и субстратной литературе приемов (транслитерации, калькирования), субстрат ««идеологии колlettivizma» актуализируется не столько прямыми номинациями, сколько поступками персонажей. Важно то, что концепты «советская идеология», «колlettiv» и «диктатура» представлены не как национально-специфические, но как универсальные феномены.

Напомню, что одним из клише того времени был лозунг «Колlettiv всегда прав», подчеркивалось, что буржуазное общество ограничивает свободу человека, в то время как при социализме возможно широкое социальное творчество, «под которым классики марксизма понимали активную деятельность широких трудящихся масс, свободно и сознательно строящих новую жизнь» [Преисловие 1973: 10]. Фамилия автора предисловия к сборнику работ Ч. П. Сноу не указана намеренно, поскольку возможно, что в постсоветский период его взгляды изменились, но в советскую эпоху это было единодушное мнение «широких трудящихся масс», сформулированное марксистско-ленинской идеологией, и думать иначе было нельзя.

Герои романов Э. Рэнд, принимая решения, делают выбор исходя в первую очередь из своих индивидуальных возможностей и желаний, противопоставляя себя тем самым коллективу. Они своего рода антиподы идеологии колlettivизма. Субстрат «идеологии колlettivизма» актуализируется концептами «государство», «коллектив», «альtruизм» и «диктатура». Субстрат «философии объективизма» актуализируется концептами «индивидуальность» и «эго».

Чтобы понять произведения и философию Э. Рэнд, рассмотрим концепты *individualism* и *ego* в их естественном англоязычном контексте.

Individualism — «1) the habit or principle of being independent and self-reliant; self-centred feeling or conduct; egoism; 2) a social theory favouring freedom of action for individuals over collective or state control» [Oxford Dictionary].

На первом месте в приведенном выше определении — понятие «независимость» (being independent) и «самостоятельность» (being self-reliant). Во втором значении слово выступает названием социальной концепции, провозглашающей значимость права человека на свободу действий, которое выше контроля государства над выбором человека (данное значение русскоязычный толковый словарь не фиксирует).

В русскокультурной картине мира на первое место при толковании соответствующего слова выдвигается негативная эмотивность («выше интересов общества», т. е. против коллектива): *индивидуализм* — «1. Нравственный принцип, ставящий интересы отдельной личности выше интересов общества. 2. Стремление к выражению своей личности, своей индивидуальности» [Ожегов, Шведова 1994].

Individualism в концепции Э. Рэнд более соответствует понятию *индивидуальность*, которое определяется следующим образом: «1. Особенности характера и психического склада, отличающие одного индивидуума от других. 2. Человек как обладатель присущих только ему черт характера, индивидуальных особенностей; личность» [Ефремова 2006].

Концепт «эго» не вербализован русским языком как самостоятельное слово. Это «начальная часть сложных слов, вносящая значение направленности на собственное „я“ (эгоцентризм, эгоцентрист, эгоцентрический и т. п.)» [Там же], т. е. слов, характеризующихся пейоративностью.

В английской картине мира на первом плане находится положительный компонент (*self-esteem*): *ego* — «a person's sense of self-esteem or self-importance» [Oxford Dictionary]. Обращает на себя внимание первоочереде-

ность «самоуважения» (*self-esteem*, confidence in one's own worth or abilities, *self-respect*). Негативная характеристика *self-importance* (большое самомнение) стоит на втором месте.

Концептуальное содержание этого понятия дополняется иллюстративным примером, подчеркивающим значимость «эго» для человека: *this should be above / he needed a boost to his ego* [Там же].

Разница в толковании англоязычных ключевых слов и их традиционных переводческих вариантов существенна, и это не позволяет читателю, не владеющему английским языком, в полной мере понять концепцию объективизма.

Обратимся к актуализации субстрата в романах *We The Living*, *Anthem* и *Atlas Shrugged*.

We The Living (в русском переводе «Мы — живые») — первый роман, отрицающий идеи колlettivизма. Он был написан в 1933 г., в период *Red Decade*, т. е. популярности социализма в Америке [Peikoff 1995: VIII], поэтому книгу удалось опубликовать только в 1936 г., а известность пришла через год после издания произведения в Англии, Дании, Италии.

В предисловии к юбилейному изданию рассказывается о том, что этот роман — ответ на просьбу соотечественников рассказать о жизни в России, где «мы все умираем»: A young Russian had said to her at a party in 1926, just before she left for America: «When you get there, tell them that Russia is a huge cemetery and that we are all dying» *We The Living told them* [Там же, V]. Вероятно, именно последняя фраза подсказала и название романа: *living* (живые) с антитезой *dying* (умирающие) — выражение протеста против подавления свободы, не совместимого с жизнью.

Уже в 12 лет, узнав, что коммунизм провозглашает принцип *Man must exist for the sake of the State* (человек должен жить ради блага государства), писательница его отвергает. Именно это утверждение в первую очередь актуализировало субстрат «идеологии колlettivизма», и именно в этом причина неприятия сочинительницей коммунизма: *I perceived that this principle was evil [...]. This was the reason for my opposition to Communism then — and it is my reason now* [Rand. Foreword 1958: XV].

Роман интеллектуально автобиографичен, это «автобиография идеи». Именно в этом смысле можно поставить знак равенства между Э. Рэнд и Кирой (главной героиней): *The particulars of Kira's story were not mine; I did not study engineering, as she did — I studied history; I did not want to build brid-*

ges — I wanted to write; her physical appearance bears no resemblance to mine. Neither does her family. The specific events of Kira's life were not mine; her ideas, her convictions, her values were and are [Там же, XVII]. Биографические детали жизни Кирьи другие, иная внешность, семья, но Кира воплощает идеи, убеждения и ценности самой Э. Рэнд. Прежде всего это протест против давления общества на человека, тотального руководства образом жизни, ценностями, желаниями и пр. Лингвокультурный субстрат «идеологии колLECTивизма» требовал подчинения колLECTиву, а не развития индивидуальности. Кира хочет стать инженером и строить мосты, но не потому что это распоряжение государства, — это ее мечта: *All Red students join some kind of social activity. I'm organizing a Marxist Circle [...] to learn the proper proletarian ideology, which we'll all need when we go out into the world to serve the Proletarian State, since that's what we're all studying for, isn't it?* "Did it ever occur to you," asked Kira, "that I may be here for the very unusual, unnatural reason of wanting to learn a work I like only because I like it?" [Rand 1995: 70]. / „Все красные студенты несут ту или иную общественную нагрузку. Я организую марксистский кружок, <...> чтобы изучать настоящую пролетарскую идеологию, которая нам пригодится, когда мы пойдем в мир и будем служить пролетарскому государству. Ведь для этого все мы и учимся, не так ли?“ „А тебе не приходила в голову такая мысль, — начала Кира, — что я, может быть, здесь по очень необычной причине? Я хочу научиться делу, которое мне нравится, и только потому, что оно мне нравится“ [Рэнд 1993: 76].

В приведенном выше отрывке субстрат «идеологии колLECTивизма» актуализируется на вербальном уровне кальками политического лексикона, которые произносит «красная студентка»: *Red students, a Marxist Circle, proletarian ideology, to serve the Proletarian State*. Позиция автора (неприятие субстрата) проявляется в ответе Кирьи, лишенном каких-либо политических терминов, но выражаящем ее желание — *unnatural reason of wanting to learn a work I like only because I like it*.

Если быть объективным и не искать в работах Э. Рэнд ненависти к коммунизму, можно ли утверждать, что мечта Кирьи противоречит потребностям общества? Она пытается делать то, что ей по душе, однако проявление искренних чувств вступает в конфликт с принципом колLECTивизма.

Основная тема романа — священность человеческой жизни, священность не в ми-

стическом смысле, но в смысле величайшей ценности: *We the Living is not a story "about Soviet Russia". It is a novel about Man against the State. Its basic theme is the sanctity of human life — using the word "sanctity" not in a mystical sense, but in the sense of "supreme value"* [Rand. Foreword 1958: XIII].

Раскрывая субстрат «идеологии колLECTивизма» в романе как подавление личности государством, отрицающим право на индивидуальность, Э. Рэнд подталкивает читателя к выводу о том, что такая идеология синонимична диктатуре: *We The Living is not a story about Soviet Russia in 1925. It is a story about Dictatorship, any dictatorship, anywhere at any time, whether it be Soviet Russia, Nazi Germany, or — or which this novel might do its share in helping to prevent — a socialist America* [Там же, XVI]. Э. Рэнд пытается показать, что субстрат «идеологии колLECTивизма» может актуализироваться в любой стране, не только в России 1925 г.: *Это история любой Диктатуры любой эпохи, в советской России ли, в нацистской Германии, или в социалистической Америке, образование которой роман, возможно, поможет предотвратить*.

Это роман и о партийной элите, лицемерно провозглашающей лозунги, которым сама не следует, и о тех, кто искренне поверил в идеалы революции, не жалея себя строил новую жизнь, но, осознав ложность провозглашаемых лозунгов, ушел из жизни, добровольно пожертвовав собой ради государства.

Те читатели, кто помнят советскую эпоху, легко узнают знакомые лозунги, в которых актуализируется субстрат «идеологии колLECTивизма»: *"Toil, comrade," he said, "is the highest aim of our lives. Who does not toil, shall not eat". <...> "The Soviet State recognizes no life but that of a social class"* [Rand 1995: 51; 166]. / «Труд, товарищ, — сказал он, — это. Кто не работает, тот не ест». <...> «...нет другой личной жизни, кроме классовой борьбы!» [Рэнд 1993: 52; 168].

Субстрат вербализуется калькированием клише: *кто не работает, тот не ест, классовая борьба, высочайшая цель жизни*. Все эти лозунги требовали подчинения государству, которое было заинтересовано только в «достижении общего блага» как «высочайшей цели жизни», а не в развитии личности.

Метафоричность романа подтвердилась во время Второй мировой войны, когда итальянская киностудия без ведома автора экранизировала *We the Living*; фильм имел успех, потому что зрители поняли, против чего он направлен (антидиктаторскую идею). Только спустя пять месяцев правительство

Муссолини осознало, что фильм является протестом не только против коммунизма, но и против фашистской диктатуры, и запретило его показ. Через двадцать лет фильм восстановили, и он вышел в прокат в 1986 г., спустя четыре года после смерти писательницы.

Роман *Anthem* (Гимн), написанный в 1937 г., сначала был опубликован в Англии, и лишь в 1946 г. в виде памфлета в Америке. Первую полную публикацию в Америке издательство «Caxton Press» (Caldwell, Idaho) осуществило в 1953 г., а в 1999 г. было выпущено 12-е издание. Критики назвали это произведение стихотворением в прозе (*prose poem*), восхищаясь его стилистикой. Был вынесен следующий вердикт: ...каждый думающий американец должен его прочитать / *Anthem is one of the most beautiful prose poems ever written. It is written with such power and sincerity and beauty that every thinking American should read it* (Ruth Alexander).

Субстрат «идеологии колlettivизма», обезличивающей человека, уничтожающей его как личность, актуализируется в романе в первую очередь употреблением концепта «диктатура». У персонажей нет имен, главный герой, Equality 7-2521, не осознает своего «I», он только «we», и он проклят, потому что отличается от других ростом, телом, но ничего не может с этим поделать: *Наше имя Равенство 7-2521 / Our name is Equality 7-2521 <...>. We are six feet tall, and this is a burden, for there are not many men who are six feet tall. <...> We were born with a curse* [Rand 1999: 18].

Идеологическое воздействие романа усиливается местоимениями множественного числа *our, we*, способствующими актуализации лингвокультурного субстрата «идеологии колlettivизма». Однако по сути они означают «я», речь идет об одном человеке; сказать о себе «я» нельзя, это подчеркивает независимость личности от коллектива, а значит, противоречит идеологии колlettivизма.

Невольно герой нарушил закон колlettivизма *думать как все и выглядеть как все*: *We strive to be like all our brother men, for all men must be alike. Over the portals of the Palace of the World Council, there are words cut in the marble, which we repeat to ourselves whenever we are tempted: "We are one in all and all in one.*

there are no men but only the great WE, One, indivisible and forever [Там же: 19].

Метафоричность романа *Anthem* проявляется в символике самого названия: это гимн индивидуальности, «эго». Субстрат «идеологии колlettivизма» концептуально соотносится с религией, обе подчиняют человека, препятствуют его развитию: «*You*

have worked on this alone?" asked International 1-5537. "Yes", we answered. "What is not done collectively cannot be good" said International 1-5537 [Там же: 73].

Субстрату «идеологии колlettivизма» противопоставлен субстрат «идеологии индивидуальности», который, по мнению автора, не свойственен диктатуре, а проявляется только в свободном от давления власти обществе.

Anthem оптимистичен, сила духа индивидуума побеждает, Equality 7-2521 находит себя: у него есть любимая, сыновья и друзья, и с ними он построит новый свободный мир для Человека, знамя которого, слава и смысл которого — ЭГО: *Here, on this mountain, I and my sons and my chosen friends shall build our new land <...> and my home will become the capital of a world where each man will be free to exist for his own sake.*

For the coming of that day shall I fight, I and my sons and my chosen friends. For the freedom of Man. For his life. For his honor. And here <...> I shall cut in the stone the word which is to be my beaker and my banner. The word which can never die on this earth, for it is the heart of it and the meaning and the glory.

The sacred word: EGO [Там же: 104 — 105].

Anthem, так же, как и *Atlas Shrugged*, перекликается с антиутопиями, ср.: A. Huxley. *Brave New World*. G. Orwell *Nineteen Eighty Four*. Е. Замятин. *Мы*.

Наиболее полно противостояние лингвокультурных субстратов «идеологии колlettivизма» и «идеологии индивидуальности» выражено в самом значительном романе — *Atlas Shrugged* (Атлант расправил плечи, 1957). Описываемые события происходят не в России, как в *We the Living*, и, в отличие от антиутопии *Anthem*, действующие лица — это люди с именами. Правда, вряд ли местом действия можно однозначно назвать Америку. Творят историю, в том числе экономику, не массы, как нас учили в советской школе, прогресс не может осуществляться без личности, которой в романе является John Galt. В произведении актуализируется концепт «альtruизм», который являются важной составляющей идеологии колlettivизма, но препятствует развитию индивидуальности. Главный герой выступает против альtruизма, однако и сам ни у кого ничего не просит: человек должен сам отвечать за себя, в этом суть самоуважения (*self-esteem, ego*).

Как считают критики, самая забавная, но мудрая оценка романа *Atlas Shrugged* принадлежит Дж. Роджерсу (John Rogers), сценаристу и сатирику: *Два романа могут изменить жизнь 14-летних, это The Lord of*

the Rings и *Atlas Shrugged*. / One is a childish fantasy that often engenders a lifelong obsession with its unbelievable heroes, leading to an emotionally stunted, socially crippled adulthood, unable to deal with the real world. The other, of course, involves orcs [Crooks 2011].

Atlas Shrugged, философский манифест индивидуальности и протест против колlettivизма, — самое значимое по силе воздействия на ментальность читателя произведение Э. Рэнд: «В 1991 г. Библиотека конгресса США провела опрос среди своих читателей с целью выявить книги, которые оказали наибольшее влияние на их жизнь. Библия возглавила список; следом за ней — „Атлант расправил плечи“» [Гвоздев, Костыгин 2003: 9]. / When asked in a 1991 survey by the Library of Congress and the Book-of-the-Month Club what the most influential book in the respondent's life was, Rand's *Atlas Shrugged* was the second most popular choice, after the Bible. Readers polled in 1998 and 1999 by Modern Library placed four of her books on the 100 Best Novels list (*Atlas Shrugged*, *The Fountainhead*, *Anthem*, and *We the Living* were in first, second, seventh, and eighth place, respectively) [Timeline 1991].

Речь-манифест Джона Голта (John Galt), на написание которой потребовалось два года, вошла в мини-энциклопедию *The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*.

Экономический кризис XXI в., охвативший практически весь мир, по мнению многих американцев, подтвердил значимость личности в решении сложных вопросов. Государство (коллектив) может обвинять предпринимателей и «свободный рынок», но решить экономические проблемы силой своей власти не может, а последствия при этом такие же разрушительные, как в романе: «The similarities to today are striking. Since the start of our current crisis, we've been told that the free market and "greedy" businessmen are to blame, and that the only solution is to hand progressively more power over to the government. We're hearing the same charges, and seeing the same policies, with the same destructive consequences that Rand wrote about more than half a century ago. Anyone who understands how the government's "affordable housing" crusade led to an orgy of subprime lending can appreciate Rand's foresight» [Biddle 2009].

Субстрат «идеологии колlettivизма» актуализируется в том числе с помощью клише, например *внутренние враги*, *внешние враги*: Internal enemies can be as great a danger to the people as external ones. Perhaps greater [Rand 1992: 760]. Противостоять врагам может только коллектив, т. е. государство. Слово *народный* в названиях различ-

ных структур, государств и институтов формально подчеркивает то, что «всё принадлежит народу», всё решает человек, однако фактически право голоса имел только коллектив, а точнее государство: *People's State of Mexico*, *People's State of Chile*, *South American People's States*, *People's Opera Company*.

По мнению Э. Рэнд, предназначение государства не в том, чтобы контролировать жизнь индивида, а в том, чтобы его защищать: *The only purpose of a government is to protect man's rights, which means: to protect him from physical violence. [...] The only proper functions of a government are: the police, to protect you from criminals; the army, to protect you from foreign invaders; and the courts, to protect your property and contracts from breach or fraud by others, to settle disputes by rational rules, according to objective law* [Rand 1992: 977]. Разве это противоречит мнению мыслящих людей, в том числе и россиян?

Популярность Э. Рэнд в США объяснима: она выступает за права личности (но не за колlettivизм) и за свободу выбора — именно на этих устоях создавалась страна. Чтобы добиться успеха в жизни, нужно получать знания (*gain knowledge*), провозглашает Э. Рэнд: *Man cannot survive except by gaining knowledge, and reason is his only means to gain it* [Rand 1992: 934].

Наша страна давно уже не монолитна, как в советский период; «широкие массы трудающихся» разделились на тех, кто делает что-то, и тех, кто не желает учиться принимать решения и действовать, считая, что кто-то должен делать всё за них: *The purpose of my ability, the said, was to serve the needs of those who were less able* [Rand 1992: 963].

Практика жизни нашего общества показала, что коллектив не всегда прав, и что творцом истории является личность, а не массы. Плановая экономика в свое время не способствовала предпринимательству, решения спускались сверху, не надо было думать, и, к сожалению, «учить думать» до сих пор не является основной задачей всех преподавателей. Если студенты не задают вопросов, их легче учить, можно десятилетиями читать одни и те же книги, диктовать одни и те же лекции, что в концепции Э. Рэнд жизнью не является: *Man's mind is his basic tool of survival. [...] To remain alive, he must act, and before he can act he must know the nature and purpose of his action. <...> To remain alive, he must think.* [Rand 1992: 930].

Писательница подчеркивает порочность идеологии колlettivизма, который не способствует развитию мысли: *To think is an act of choice. <...>. Reason does not work auto-*

matically; thinking is not a mechanical process; the connections of logic are not made by instinct. <...>. But you are not free to escape from your nature, from the fact that reason is your means of survival — so that for you, who are a human being, the question 'to be or not to be' is the question 'to think or not to think' [Rand 1992: 930].

В субстрате «идеологии колlettivизма» акцентируется то, что мнение индивидуума никого не интересует, думать не надо. Субстрат «идеологии индивидуализма» в философии объективизма утверждает значимость умения «думаться», которому можно научиться, но для этого нужно захотеть учиться; думать — это выбор, умение мыслить не механическое, оно подчиняется воле человека.

Естественно, что отношение к Э. Рэнд в России неоднозначно: сам факт ее эмиграции в Америку, по мнению некоторых читателей, свидетельствует «против» нее, другие же поражены ее современностью и своевременностью: «Стиль Рэнд блестящ и афористичен. Все эссе — словно из сегодняшней (и даже завтрашней) газеты. Но написаны они сорок лет назад» [Дейниченко 2003].

Жанр ее прозы можно охарактеризовать термином «политическая фантастика» (*political science fiction*) — так Р. Конкуэст (Robert Conquest) назвал романы Г. Оруэлла (G. Orwell) «Скотный двор» (*Animal Farm*) и «1984» (*Nineteen Eighty Four*) [Conquest 2005: 129]. Точнее, пожалуй, будет термин «сатирическая политическая фантастика».

В контексте актуализации лингвокультурного субстрата «идеологии колlettivизма» наиболее ярко звучит утверждение значимости индивидуальности, личности в противодействии колlettиву, препятствующему, по мнению Э. Рэнд, развитию личности, ее творческих способностей, самоуважения.

Главное достоинство философской концепции писательницы именно в том, что она верит в торжество и величие индивида и учит «людей не растворяться покорно в массе, смелее использовать свои ресурсы, настаивать на своем, идя против течения» [Кустарев 2005]. Произведения Э. Рэнд кого-то раздражают, у других вызывает восхищение, но тот факт, что отношение к ней неоднозначное, говорит о том, что она заставляет нас думать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев Е., Костыгин Д. Предисловие // Рэнд Э. Мы — живые. — СПб. : Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993. С. 7—9.
2. Дейниченко П. Против большинства // Книжное обозрение. 2003. URL: <http://www.slovosfera.ru/>

bookreview/ayn.html (дата обращения: 11.10.2011).

3. Джваришвили Р. Г. Психологическая проблема художественного перевода. — Тбилиси : Мецкиерба, 1984.

4. Дубинская И. Voice of America: Айн Рэнд. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/rand/> (дата обращения: 10.01.2012).

5. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2006 // Lingvo x3 : электронная программа.

6. Кустарев А. Эйн Рэнд, комиссар индивидуализма. URL: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=210785 (дата обращения: 02.05.2011).

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — Израиль : Very Ltd., 1994 // Lingvo x3 : электронная программа.

8. Предисловие // Сноу Ч. П. Две культуры. — М. : Прогресс, 1973. С. 5—15.

9. Рэнд Э. Мы — живые / пер. Д. В. Костыгина, С. А. Костыгиной. — СПб. : Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993.

10. Хугаев И. С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2010. № 1. С. 168—178.

11. Biddle C. Ayn Rand's *Atlas Shrugged* and the World Today. An Interview with Yaron Brook. URL: <http://www.theobjectivestandard.com/issues/2009> (дата обращения: 19.05.2011).

12. Binswanger H. The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z. — N. Y.: Meridian Printing, 1988.

13. Conquest R. Orwell, Socialism and the Cold War // The Cambridge Companion to George Orwell / John Rodden (ed.). — Cambridge : CUP, 2007. P. 126—132.

14. Crooks Ed. An ode to Ayn Rand goes easy on didacticism but captures her unique tone // Financial Times. 2011. Mar. 24. P. 12.

15. Oxford Dictionary of English. Rev. Ed. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2005 // ABBYY Lingvo x3 : электронная программа.

16. Peikoff L. Introduction to the 60th Anniversary Edition // We the Living / Ayn Rand. — N. Y. : A Signet Book, 1995. P. V—XI.

17. Rand A. Anthem (First printing July 1953). — Caldwell, Idaho : Caxton Press, 1999.

18. Rand A. Atlas Shrugged. — N. Y. : A Signet Book, 1992.

19. Rand A. Foreword 1958 // We the Living. — N. Y. : Signet Book, 1996. P. XIII—XVII.

20. Rand A. We the Living. — N. Y. : A Signet Book, 1996.

21. Somin I. Was Ayn Rand the Most Influential Russian Immigrant to the United States? URL: <http://volokh.com/2009/12/08> (дата обращения: 19.05.2011).

22. The Ayn Rand Institute. Frequently Asked Questions about Ayn Rand. URL: <http://www.aynrand.org/.../PageServer?pagename> (дата обращения: 21.05.2012).

23. Timeline: Atlas Shrugged as second most popular choice // Timeline. 1991. URL: <http://www.xtimeline.com/evt/view.aspx?id=124513> (дата обращения: 12.05.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева